

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КУПОЛА БОГОВ

ДЕНИС ВАТУТИН

ДЕЛЕНИЕ

НА НОЛЬ

Annotation

Кто этот Зеро, что появился словно бы ниоткуда и взбудоражил верхушку власти в Иропе обещанием бессмертия? Кто он – агент из другого Купола, готовящий общество к вторжению и порабощению?

Он действует точно не в одиночку, но и не напрямую представляет чьи-то интересы. А вот технологию Древних, отвечающую за управление Куполом в кризисных ситуациях, действительно принес с собой. Но откуда? И зачем ему артефактор Заг Моррисон, которого он выбрал из множества сиблингов и предложил ему выполнить важную миссию.

Где-то в Закуполье

Неизвестный подземный комплекс Древних глубокого залегания

– Опять ты копаешься с калибровкой, сестра!

– Ты же знаешь, у нас появился коммуникационный тоннель, брат Фируз.

– Это такая скука – наблюдать за копошением смертных... Вот я просчитал площадь поверхности туманности Змееносца и выделил в ряде чисел все простые единицы. И ты знаешь, получился потрясающий узор, который в звуковом диапазоне ультразвукового импульса пробивает метрику пространства в неизвестное мне доселе измерение! Ты не представляешь, как же там равномерно и гармонично! Ощущается фрактальная структура мироздания! Хочешь, я проведу тебя туда?

– Хочу, брат Фируз, но немного позже...

– Ты чем-то озабочена, сестра? Почему чело твое отягощают тяжелые думы? О чем они? Неужели о смертных?

– Не о смертных моя печаль, о брате нашем, Удачливом...

– Что же с ним? Он ведь в мире смертных, готовит наше возрождение, верно?

– Верно, но не полностью...

– Что ты хочешь сказать, сестра Анехита?

– Я наладила обратную связь тоннеля, но, к сожалению, только для наблюдения: транспортировка пока невозможна. Но даже то, что открылось моему взору, печалит меня. Брату Удачливому Раку, кажется, не пошли на пользу долгие годы нашего заточения, ибо он, подобно брату Ятиму, возомнил себя Великим Змеем! Он не готовит возрождение нам, он готовит его только для себя! Он хочет стать новым богом для смертных... Новым и единственным!

– Но зачем?! Сестра? В чем суть этого нелепого желания?

– Неведомы мне помыслы его, но богомерзких сиблингов, что называют себя эволюционерами, он взял себе в помощники! И многих из царей смертных! Он подчинит себе сперва один Купол, а затем и все остальные. Я начинаю опасаться и за нашу судьбу...

– Грех гордыни овладел им, сестра, и слышать такое прискорбно мне! Но как же быть нам? Всему Великому Кругу? Добро, если брат Парвиз просто станет править смертными, но не захочет ли он править и нами?

– Мне нужна помощь брата Азера: его способности помогут мне усилить тоннель...

– А я говорил на совете Круга, надо было послать брата Фуада или меня!

– Приветствую тебя, брат Азер! Ты все слышал?

– В нашем Чертоге трудно что-то не услышать, особенно то, что связано с возрождением. Вообще мне кажется, вся эта затея нарушает наше равновесие: вот Удачливый – яркий пример! Напустил на себя вселенскую скромность и погрузил нас в иллюзии!

– Его стоит остановить, брат, чтобы показать ему, что один он никто. И только в единстве Большого Круга есть сила! Ты поможешь мне, брат Азер?

– Надо поставить выскочку на место, сестра, – да, я помогу вам!

– Но помните: он опасен! Ибо многократно усилил свое «я», а действовать напрямую у нас возможности нет...

– Нужен четкий алгоритм действий...

Глава 1

Танцы бронеходов, или Йети наносят ответный удар

Люди сходят с ума от однообразия... Все, что со мной происходит, – одинаково... Вывод: я – сумасшедший...

Я увидел Зеро, восседающего на огромном мраморном троне, который кидал куда-то вдаль маленький чемоданчик и кричал:

– Апорт!

Куча разномастных собак кидалась за ним и грызла друг друга, чтобы исполнить волю хозяина, а на пухлых губах Зеро играла самодовольная улыбка...

– Эй, Заг, – крикнул мне Бобер, – подбрось маслят! У меня ноль!

Я подкидываю по дуге жестяную коробку, и тут же словно она выстреливает: на горле Бобра расцветает фонтан красных брызг, и он, лихорадочно закашлявшись, падает в окоп и, дергая ногой, затихает почти как Пакеда... Хотя... При чем тут Пакеда? И кто это вообще?

С холодом ужаса и досады замечаю бледно-розовые кишки из-под окровавленной гимнастерки Сваровски: он обнимает их ладонями, как величайшую драгоценность, пытаюсь затолкать все это обратно, в распоротый живот, хлюпая кровавой лужей вокруг...

Мертвые руки Элсона сжимают карабин БМ-40.

Дивизия «Стальных богомолов» эволюционеров в составе двенадцати бронеходов давит плотным огнем наши траншеи... Все, кто может, молятся Зодиаку, а кто не может – заталкивает свои внутренности в брюшину... В ушах звон, а двенадцатимиллиметровые орудия шагоходов полируют наши брустверы... В этот момент я не думаю ни о чем... точнее, думаю, как упасть в канаву максимально близко к противотанковому «мамуту»...

Меня трясет – но мне уже плевать: урчание дизелей и лязг шагающих ступней боевых машин – это как данность, с которой нужно что-то делать.

Снова очереди из спаренных «шварцев», а я вжимаюсь в глину, становясь частью рельефа. Молюсь, сам не зная кому... Но я чувствую – не спрячешься... Где-то в небе слышится гудение моторов боевых дирижаблей – начинают ухать и бабахать: это воздушные бомбы... благо они далеко, еще за рекой.

А оставшиеся шагоходы врага выдают ракетный залп – краем глаза я вижу вспыхнувшие и шатающиеся, словно пьяные, силуэты.

Огненный и грохочущий смерч разверзся вокруг: спину обдаёт жаром – пот моментально испаряется.

Я пытаюсь разинуть рот в положении зевка, чтобы не получить акустический удар – контузию. У меня и так уже последние два часа в ушах стоит металлический лязг: голова гудит...

Пользуюсь дымным облаком и сваливаюсь в окоп, который больше напоминает воронку от взрыва... точнее, он и есть воронка, но на краю присыпанное землей противотанковое ружье...

Да, война уже закончилась, и давно – но восстание под Корсун-сити пять лет назад это был внезапный выплеск: попытка молниеносного реванша недобитых «люци» – так называли эволюционеров... Жандармов тогда погнали на танки, которые были спрятаны до поры в секретных подземных бункерах... на элитную бронетехнику, и была ставка этих

психов... Они были обречены – но забирали чужие жизни...

Я даже матери не стал рассказывать, что я был там... хотя скрыть это было трудно... Благо жандармерия, дорожа секретностью, не упоминала наших имен, хотя многих втайне наградили. Я от награды отказался... Я не хотел это помнить...

Нас было три мотострелковых взвода против брони. И три дня мы удерживали позиции на левом берегу Барифана, чтобы не пустить танки на подмогу в Корсун-сити, где «люци» подняли восстание. Хвала Зодиаку и всем богам, что восставшие не смогли ударить нам в тыл, так как в городе им оказали сопротивление не только полицейские и местные жандармы, но и жители города организовали ополчение. Это нас и спасло, да еще срочно переброшенное на дирижаблях подкрепление из наших уже бронеходов БШМ «Псов Ангра».

Тогда я получил легкую контузию и почти сутки пролежал в окопе без сознания...

– Эй! Заг! Ты меня слышишь? – Меня лупят по щекам... скорее всего, мой взводный Макар.

– Твою мать, Заг! Не время сейчас отдыхать-то! Слышишь?!

Лицо сотрясается от пощечин... мозг включается медленно...

– Хватай «мамут», – проговариваю я с трудом, – не тупи... мы хоть фланг почистим... давай... я не могу уже...

– Моррисон, какой к Хиусу «мамут»! Глаза откройте! – голос явно не Макара, но знакомый...

– Йети тебе с тыла... – Я не хочу выходить из этого забытья. – Позови девчонку мне... красивую... с крестиком...

– Заг! Дружище! Откройте глаза! – Генрих?.. Миллер? Хиус великий... я же тут... то есть там... Сильно зудит спина, и немного покалывает бок...

Я открыл веки и появился здесь и сейчас.

Передо мной висело лицо бульдога. И оно не выражало никаких эмоций...

Да где же я так согрешил, что даже после смерти мне не показывают красивых девушек в обнаженном виде...

– Фауд заступник... – Я попытался пошевелиться, но резкая боль выстрелила в ключицу и в левый бок, – почему я вижу лицо младшего комиссара?!

– Ну, хвала богам, – усмехнулся Генрих, – знаете, Моррисон, док Меркер действительно вас улучшил...

– Как хорошо, что его завалила эта психованная сучка... – простонал я.

– Эти вживленные в вас арты, кажется, спасли вашу жизнь...

Меня била легкая дрожь, а на мне была черная форма с эмблемой «ДД».

Я огляделся вокруг – опять каменная кладка и, как назло, ни столов, ни стульев, ни склада оружия, да и хорошая аптечка мне бы не повредила.

– Где мы, Генрих? – растерянно произнес я.

– Моррисон, нам повезло, грубо говоря, – лицо младшего комиссара оставалось спокойным, но снова было понятно, что он многое пережил, – я прикинулся дохлым, вы, собственно, и были мертвы, чем сыграли мне на руку. Эта сумасшедшая вобла ушла, решив, что всех замочила. Но ваш трофей Сережа, он куда-то исчез: тела не было. Может, сбежал. Тут есть где спрятаться так, что ни одна сволочь не найдет...

После того как я качественно прикидывался дохлым минут двадцать и эти «резиновые» люди ушли, я переделал вас в форму охраны и оттащил в подвал: тут есть скрытый подъемник. Объект захвачен, и нам нужно быть весьма осторожными – Оливия распоясалась: тут все

коридоры усеяны трупами моих подчиненных, и это меня расстраивает, как бы это ни звучало для вас...

– Мы сможем свалить отсюда? – простонал я.

– Мы как раз около нашего транспортного ангара, только автомобилей тут нет. – Миллер явно пытался меня как-то мотивировать. – Вы же умеете управлять бронеходами?

– О! Хиус мне в печень, Генрих, вы знаете, как взбодрить. – Я поднялся на локтях и пошарил по поясу.

– Пистолет я вам сейчас верну. – Миллер говорил, словно с маленьким ребенком.

– Генрих, – я медленно шевелил языком, – спасибо, что не пристрелили меня...

– Да в целом не за что, Моррисон. – Он протянул мне теперь мой бессменный «адлер».

Генрих схватил меня за руку и потянул к каменной стене. Затем что-то там нажал на каком-то камне. И часть стены с тихим скрипом медленно отъехала в сторону.

– Круг Великий! – вырвалось у меня. В полумраке высились силуэты шагающих бронеходов.

Это были средние танки. Модель TZ-w-34^[1], относящаяся к классу БШС-5^[2]. Я пару раз сидел за таким пультом, но, прямо скажу, в боевых действиях в нем не участвовал, да и просто так не особо катался.

– Это же лучше автомобиля или дирижабля? – вопросительно вскинул левую, почти безволосую бровь младший комиссар.

– Смогу ли я сейчас что-то пилотировать? – пробормотал я. – Туловище-то еле передвигаю...

– Ну, давайте удивим Оливию своей непокорностью, устроим тут очаг сопротивления рейдерскому захвату и восстановим справедливость... – досадливо поморщился Миллер.

– Нет, – решительно выдохнул я, – я хотел бы разминуться с этой психопаткой. Но все ваши планы побега просто не выдерживают ни малейшей критики...

– Знаете, Моррисон, – нахмурился Миллер, – критикуя, вы должны что-то предлагать...

Я тяжело вздохнул и похромал к ангару, поддерживаемый круглым, невысоким, но коренастым Миллером.

Первый бронеход оказался не подключен к общей электросети, и его люки нужно было вскрывать вручную.

Второй был частично разобран и явно на ремонте: торчали жилы шнуров из вскрытых технических люков.

Вот только с третьего выскочила веревочная лестница, стоило дернуть рубильник под кожухом его «колена».

Миллер полез первым, а я пытался не отставать, цепляясь немеющими пальцами за веревочные ступени и ощущая головокружение.

Забравшись в кабину, Миллер щелкнул тумблерами питания, и кабина озарилась бледно-желтым светом.

Узкий бронированный триплекс подсветился специальными артефактными лампами.

Миллер подал мне руку и буквально втолкнул меня внутрь, я сел в кресло первого пилота и повернул ключ зажигания на пульте, тут же загудел дизель-генератор.

– Моррисон, долбаните по воротам из автоматической пушки, иначе мы не выйдем... – Младший комиссар смотрел на меня сурово. – Знаете, как тут управлять огнем?

– Знаю, – кивнул я, – лучше займитесь пушками сами, а я попробую рулить...

– Как скажете. – Миллер, усевшись в кресло стрелка, взялся за джойстики

автоматических пушек, и на пульте загорелись индикаторные лампы контроля.

«Гром» был оснащен двумя курсовыми пулеметами Шварца и двумя же скорострельными пушками ГР-15^[3] «Танцор». Плюс – две подвесных ракеты «Шило», Р-21.

Кабина завибрировала, раздался рокот дизеля и запах выхлопа. Затем с металлическим лязгом бронированная кабина расправила суставчатые ноги, и в триплексе экрана показался фрагмент потолка. Включился автоматический гироскоп, замигали лампы на пульте, и кабина наклонилась на пятнадцать градусов ниже горизонта.

Над триплексом в откидном светоотражающем козырьке торчала черно-белая фотография какой-то роскошной блондинки с почти черными губами.

Я бросил ее под сиденье, чтоб не отвлекала, после чего вставил ноги в механические педали и плавно потянул рычаг правого ступохода на себя, и «нога» бронехода поднялась по малой дуге, глухо стукнув о каменный пол. Сработал размыкатель, и коробка передач заворчала и хрустнула: кабина подалась вперед. Я развернул носовой фонарь с артефактным «координатором», и следующий шаг потянул педалями машину к высоким выходным воротам ангара.

Я вспомнил, как это – слиться с телом стальной машины, и чуть поболтал рычаги, пробуя их на люфт. Затем ступнями чуть прижал механические педали, и они разблокировались. Слегка крутанув ими влево-вправо, почувствовал, как стальная машина, рыча дизелями и электроприводами, тут же повторила движения. Педали двигались в меру туго, но в целом без серьезных усилий.

Прямо на центральном пульте светился зеленоватый квадрат экрана тактического визора, на котором желтел крестик прицела – это не только для стрельбы, это общее направление движения. Ну, уж стрелять из автоматических пушек и трех «шварцев» я бы точно не смог – и так еле-еле вспоминаю управление. Для того и есть место стрелка...

Немного подергавшись, как припадочный, создав нам с Миллером неслабую «морскую» качку, бронеход постепенно начал слушаться моих команд и потихоньку вышел к воротам.

Генрих дернул выгнутый рычаг, и в недрах машины раздался лязг и гудение привода: в наши орудия вошли снарядные ленты из контейнеров боеукладки.

Я поглядел на артефактный экран, и в глазах моих расцвели зеленые пятна, в этот момент раздался грохот, и яркая вспышка ослепила триплекс: Миллер послал одну из двух ракет в ворота.

Я повернул голову к стрелку и сделал недовольное лицо.

– А зачем нам ракеты? – невозмутимо ответил Миллер, увидев мое лицо. – Нам вполне хватит стрелковки...

Я ничего не ответил и снова переключил внимание на управление машиной.

Сначала на экране были густые клубы дыма, но дым резко вылетал наружу, и наконец в рваных краях разбитых ворот забрезжил серый свет дождливого дня.

И тут сквозь негромкий гул мотора и лязг механики я услышал тихий треск выстрелов и глухой звон пуль о броню: тут же я включил подсветку задней призмы, и оптический луч отразился на светоотражающем козырьке над триплексом. В бледном радужном мареве входа в ангар бегали маленькие темно-зеленые фигурки «аквалангистов». Один из них устанавливал на металлическую треногу свой диковинный «фен», только размером поболее. Оружие явно артефактное, я это еще в комнате ощутил...

– Кажется, у нас проблемы, мистер Моррисон, – ровным голосом произнес младший комиссар, – разверните-ка эту бандуру на сто восемьдесят, если вам не трудно...

Я стиснул зубы и, пока еще Миллер говорил, провернул педальный привод и начал давить на рычаги, но машина не послушалась, а снова нелепо дернулась. К резкому и красивому развороту я был просто не готов: «Гром» опять пошатнулся, и яркая змеистая голубая молния врезалась в каменную стену ангара. Хотя изображение было в радужных разводах из-за давно не чищенной стеклянной призмы, но ослепительная вспышка и черные точки каменного крошева были видны...

– Моррисон, вы нас угробите, – тем же ровным голосом, но с некоторой ноткой напряженности произнес Миллер, – сосредоточьтесь, наконец! А я их размажу...

Часть его слов потонула в гулких металлических ударах щебня о броню.

Единственное, что я успел попробовать, это согнуть «ноги» бронехода и каким-то чудом развернуть станину кабины педалями, вслед за этим гироскоп автоматически потянул в ту же сторону бронекapsулу башни с навесным стрелковым комплексом.

Миллер, не дожидаясь окончания поворота, вдавил гашетку, и ангар озарился яркими вспышками выстрелов: машину затрясло, и раздался чуть приглушенный броней треск очереди из автоматической пушки.

Теперь изображение входа в ангар проецировалось на визор через триплексы, и видно было гораздо лучше.

Фигурки зеленых «лягушек» разлетелись в стороны, а тренога с большим «феном» перевернулась. В тусклом свете проема ворот сверкали искры рикошетов – Миллер свирепствовал, используя те немногие углы поворота турелей для качественного уничтожения людей. Вот никогда бы не подумал, что он не кабинетный интриган, а суровый военспец. Ну, максимум опытный разведчик-аналитик.

– Моррисон! – Его голос поднялся на четверть тона. – А вы можете пятиться назад и смотреть на вход? Дело в том, что эти твари...

Я уже заметил, что некоторые «водолазы» мечутся по ангару вокруг местных бронеходов.

– Вот не надо было ракету тратить, – сквозь зубы прошипел я и начал разворот станины.

Пришлось отключить автоматическую синхронизацию, дабы привести башню в противоестественное положение, и машина взвыла, а я снова начал чувствовать, что теряю управление.

– Моррисон! Можно полегче?! – Миллер клацнул зубами: прямо под левым ступоходом разорвалась граната.

– Так садитесь тогда в кресло пилота! – не выдержал я.

– Нет, Заг, – он неожиданно назвал меня по имени, наверное, нервничал, – у вас это выходит лучше, чем у меня. Работайте!

Я буквально вывихнул себе мозг, пока до меня дошло, как развернуть бронеход задом, да так, чтоб триплекс оставался в контакте с входом в ангар. Не пилот же я танков! К тому же шагающих! Они в основном в меня стреляли!

Генрих был молодцом: несколько раз лязгала механическая система боеукладки, пока он поливал ангар из спаренных «шварцев» и из «Танцоров».

К сожалению, несмотря на наши усилия, четвертый бронеход ожил, а «аквалангисты» стали прибывать.

Я прилип к светоотражающему козырьку, пытаюсь пятиться к развороченным створкам ангара наружу. Я надеялся, что хуже всего нашим противникам от рикошетов, так как башня качалась знатно. Вот за это я больше и доверял танкам на гусеничном ходу, а эти

артефактные машины, невзирая на свою мощь и технические преимущества, требовали куда как большей квалификации и опыта.

К сожалению, вылезти и протереть призму заднего вида у меня не было никакой возможности.

Захваченный врагами бронеход попытался резко развернуть башню, но в то же время запутался в своих «ногах» и покачнулся.

Именно в этот момент Миллер послал в него второе «шило» и промахнулся, оно врезалось в стену за боевой машиной.

Но зато ударная волна накренила танк, и он рухнул на пол, скребя ступоходами каменную кладку, видно, их пилот был совсем не лучше, чем я. Или же просто не успел взять под полный контроль управление.

Мои же «эксперименты» от разворота принесли не лучшие плоды: бронеход покачнулся, и раздался громкий скрип и скрежет, я красиво вписался в стену возле развороченных ворот.

– Да чтоб вам Купол разодрало, – выругался я, крепко сжав рычаги управления.

В целом получилось, что два бронехода будто отпрыгнули друг от друга... а я сильно стукнулся головой (хвала богам) о спинку сиденья...

– Моррисон! – Тут уж Миллер рявкнул. – Внимательнее!!!

Я опять стиснул зубы и помотал черепушкой: в глазах потемнело на пару секунд, затем, вцепившись в рычаги, я вдруг почувствовал себя «хозяином положения» – мне показалось, что кабина башни стала немного прозрачной, только я не слышал о такой особенности средних бронеходов. Арты, что ли, тут стоят особые? Да я вроде ничего и не активировал...

«Гром» со скрежетом выпрямился и продолжил пятиться назад, а я вертел вокруг головой, но было ощущение, что именно то место, в которое я смотрел, было прозрачным в прямом смысле слова.

Мне некогда было размышлять об этой артефактной дребедени, но это весьма меня ободрило.

Я видел, как паук: не знаю, как это объяснить – я видел вокруг... Одновременно и мечущиеся фигуры, и как они пытались поднять треногу, и попытки соседнего танка «встать», и дыру в воротах, в которую я пятился этим «скворечником на ножках».

От этого моя голова слегка закружилась, но я начал сосредотачивать взгляд на конкретных направлениях и пришел в себя.

Почти прямо, почти без качки я пятил машину назад, ориентируясь на некое светлосерое пятно на своем затылке.

Миллер сосредоточенно сопел: я скорее не слышал, а видел его раздувающиеся ноздри и щеки боковым удивительным зрением.

Двое недобитых «водолазов» короткими перебежками тащили черную треногу и крупный «фен», прикрываясь застывшими бронеходами.

В этот момент справа, из тумана клубящегося дыма появился шатающийся силуэт «Грома» наших противников: все же поднялся!

И как только я увидел его, не знаю почему – мне захотелось спрятаться, словно нашкодившему мальчишке с полными карманами яблок при виде сторожа с двустволкой, заряженной пакетиками с солью.

Миллер успел только смешно хрюкнуть, так как кабина пошла вниз на сгибающихся «коленях», и одновременно у меня получился разворот на правом ступоходе на сто двадцать градусов.

Тут же правый борт кабины врага полыхнул ракетным всполохом маршевых двигателей, и дымный шлейф в считанные мгновения протянулся над нашей кабиной...

– Отлично, Заг! – Голос стрелка оставался без интонаций, но имя и повышенная нота все же выдали эмоции младшего комиссара. – Дальше задом! Как можно дальше! Не разворачивайтесь!

Миллер был прав: наш бронеход встанет под прямым углом к воротам и мы сможем контролировать выход.

По лицу текли горячие капли пота, и я слегка дергал головой, дабы они не попадали в глаза. Наконец-то я почувствовал машину, не сказать, что как свое тело, нет – просто перестал думать перед своими действиями.

Где-то далеко полыхнул разрыв ракеты, и все застыло.

Черная копоть лежала на рваных краях ворот. Мы были уже снаружи, а враги внутри.

Вдруг по крыше кабины заколотила пулеметная очередь, и я почувствовал себя внутри колокола на колокольне церкви Зодиака: на пульте лежали наушники пилота, но я не мог отпустить руки от управления, потому машинально задрал кабину вверх и увидел темную тушу четырехмоторного дирижабля, утыканного антеннами, с надписью: «Голконда».

Миллер тут же вдавил гашетку «Танцора», и цепочка трассирующих снарядов смертельной новогодней гирляндой устремилась в серое небо к туше небесного «кита».

Ошибся я насчет отсутствия вооружения на дирижабле: после пулеметных «укусов» в двадцати метрах на границе проселочной дороги, упирающейся в раздолбанные ворота, полыхнула яркая вспышка, и несколько деревьев из ближайшей рощи подпрыгнули над землей черными спичками...

На «Голконде» тоже есть ракетные установки! Как я их не заметил? Наверное, они встроены в гондолу...

Но ведь на гражданских дирижаблях запрещена установка оружия! Потому-то оно и замаскировано, это же дирижабль Шпигелей.

Хорошо, что наш бронеход отличался каким-то странным артом, скорее всего, Рака-Парвиза, позволяющим видеть мне сквозь кабину, а не только смотреть в визор и на козырек... Это нам так повезло? Или модель модернизированная?

Из дыры ворот показалась хищно сплюснутая кабина вражеского «Грома», и вылетело черное облачко выхлопа.

Я перевел взгляд с дирижабля и продолжил отступать, ломая молодые деревца возле древней кладки стены.

– Заг! – Вот сейчас Миллер взвизгнул, будто пес, которому на хвост наступили. – Бежим отсюда быстро! Назад!!!

Я резко выполнил команду, снова слегка присев и развернув кабину в сторону невысокой поросли вдоль леса. Продолжая валить средние деревца, наш бронеход, словно подстреленный заяц, понесся по прямой: и это было очень приятно – управление упростилось.

Я даже подумать успел, как это мы убежим от ракет, но думать было совсем некогда, потому в бою и необходим опытный командир...

Неожиданно серый пейзаж осеннего леса озарился яркими красками, и раздался приглушенный, но очень гулкий грохот, и застучали по броне осколки, камни и Хиус еще знает что от взрыва.

Я смог на мгновение покоситься в затылочную область, и сердце мое подпрыгнуло:

буквально перед удаляющимися воротами быстро, в дыму и пламени приземлялся пылающий дирижабль, и его еще не охваченный пламенем вытянутый нос стремительно падал на кабину бронехода...

Надпись на пылающем баллоне уже читалась как «...нда», неотвратимо приближаясь.

Как-то рефлекторно я дернул педали ступнями вверх, и скорость переключилась: «Гром» взревел двигателями сильнее, и мы буквально снесли часть дубовой рощи, едва не споткнувшись о вековые деревья, которые вспыхнули прямо у нас за спиной, а по броне снова загудело. Наверное, это стальные направляющие оболочки дирижабля, лишившись сгоревшей полужесткой основы, распрямились и ударили, заставив наш БШС пошатнуться на скорости.

Машину накренило влево, и я всеми своими конечностями впился в рычаги и педали управления, но все равно бы упал, если бы не крона высокого дуба, которая слегка отпружинила наш крен перед тем, как надломиться.

– Мы его сбили! Моррисон! Сбили! – Миллер не скрывал торжества и самодовольства в голосе.

Я бы на его месте вообще прыгал от восторга: сбить дирижабль автоматической пушкой это крупное везение, так как современная гелиевая смесь это вам не водород начала века, он не поджигается так легко. Правда, некоторые «умники» использовали метан и для подъема баллона и для работы двигателей. То ли дело было в этом, то ли Миллеру посчастливилось попасть в боевую часть или в топливные баки? Может, они просто не ожидали от нас такой быстрой реакции и пристреливались по первой ракете?..

Да и плевать! Самая неприятная воздушная машина, из которой со мной разговаривал Зеро, сыпались мертвяки с ружьями и «водолазы» Оливии, перестала существовать! Фауд Заступник!

Я старался не поддаваться ликованию, огибая крутые отроги и каменистые расселины, поросшие чахлым кустарником.

Пару раз я едва не свалил бронеход в овраг, и приходилось, как припадочному, дергаться в кресле пилота, бешено прокручивая педали. «Гром» резво подпрыгивал, извергая из двигателей короткую реактивную струю из дополнительных баков. Они не дали бы нам взлететь, как ракете, но немного протягивали дугу прыжка.

В кабине был сущий ад: все двигатели работали в боевом режиме, а, как известно, это крайне недолгий ресурс машины. Кабина потихоньку наполнялась выхлопами, становилось все жарче и удушливее.

Сзади еще что-то взрывалось, ярко вспыхивало и полыхало, а я продолжал выжимать из машины последние «соки», двигаясь наугад в наступающих сумерках...

Через какое-то время взвыла предупреждающая сирена, и бронеход, неожиданно потеряв управление, начал крениться набок...

– Этого следовало ожидать. – Миллер смотрел на меня своими водянисто-серыми глазами с опухшими веками без ресниц.

Тихо потрескивал остывающий металл, а в кабине горел красный фонарь, словно мы были у витрины публичного дома, точнее, в самой витрине. Было душно и пахло соляжкой.

– Тогда валим отсюда... – Я тяжело вздохнул, вытерев пот со лба.

Некоторое время мы сидели молча, пальцы тряслись и у меня, и у Генриха.

Да, топливо кончилось, заряд аккумулятора был близок к нулю, и больше «Гром» никак

не мог нам помочь: не скручивать же пулеметы с пилонов?

– Да, согласен, – ожидаемо ответил Миллер, – только надо тут как следует пошарить...

Мы стали шарить по стальным резервным рундукам, после чего стали счастливыми обладателями пары плащ-палаток, нескольких комплектов сухпайков, двух офицерских кольтов 19–11 и нескольких обойм к ним. Еще удачным приобретением стал кожаный планшет с картой Красных гор и тактическими пометками некоторых объектов. Еще мы нашли две армейские зажигалки, пачку сигарет «Магма» с коротким фильтром и пару одеял.

– Давайте-ка сперва покинем машину, а потом решим, как нам быть, – предложил Генрих, и я не мог с ним не согласиться.

Костер потрескивал в выкопанной земляной яме. Над ямой я возвел небольшой бортик из глины и камней.

Миллер прихватил из бронехода пехотную каску, в которую мы набрали воды из найденного в полумраке ручья. В этой каске, как в котелке, мы варили крупу из сухого пайка и пытались согреться.

Место мы нашли максимально правильное, но даже это не давало нам гарантии остаться незамеченными. Мы нашли склон небольшой горы с противоположной стороны от пути нашего бегства. Вечером и ночью остывающий воздух опускается по склону горы и будет сдувать дым от нашего костра вниз, рассеивать его. Костер горел в ямке, сверху был бортик, достаточно высокий, чтоб накрывать его мокрыми ветками. Это нужно для уменьшения света и большего рассеивания дыма. Да и подсушенные ветви над ямкой мы потом подкладывали в огонь, так как сухие они меньше дымят.

Бортик костра мы обложили камнями, вытащенными из ручья, и потом, когда костер оставил только золу и угли, мы поставили вокруг него несколько воткнутых в землю веток и растянули на них плащ-палатки. Получилось что-то вроде шатра с дыркой по центру. И только тогда Миллер достал электрический фонарик и планшет с картой.

Благо ночью дождь прекратился, иначе над «жерлом» нашей конструкции поднимался бы пар. Но мы и так закидали уголья мелким гравием.

– Неужели вы будете есть солдатскую кашу, Моррисон? – любопытствовал со скуки Генрих, вскинув редкие брови.

– Голод такой, что я сожрал бы горсть еловых шишек, – признался я, зачерпнув куском коры из каски вареной пшенки.

– А я думал, Моррисон, что вы столичный щеголь, – младший комиссар на полсантиметра приподнял уголок рта, – просто стреляете быстро.

– А я думал, что вы кабинетный интриган. – Я смотрел на красных светящихся «муравьев», мельтешащих по тлеющим угольям.

Стрекотали какие-то насекомые, а может, птицы, которых я не знаю, тихо шумел сырой ветер в ветвях...

– Хорошо, что мы откровенны друг с другом, – с невыразительными интонациями произнес Генрих, – и пока мы союзники, обещаю, что наши дальнейшие отношения будут открытыми для обоих. Даже если наши интересы не будут совпадать, я не стану чинить вам препятствия, Заг. По меньшей мере исподтишка.

– Поживем – увидим, – кивнул я, – могу честно пообещать то же самое...

– Отлично, – кивнул Миллер, – тогда поглядим на карту и обдумаем тактику...

– Спасибо вам, Генрих, что вытащили меня, – поблагодарил я.

– Не за что, дружище Моррисон, – он внимательно посмотрел мне в глаза, – мне выгодно было помочь вам, к тому же пульс у вас я нащупал совершенно случайно, так как с вашими ранениями и кровопотерей...

– Скажите, мистер Миллер, – спросил я, – а я действительно умер? Тогда... ну... когда эта дикая вобла в меня выстрелила?

– Да, Моррисон, вы были мертвее мертвого: вам прошило селезенку с основной артерией, кровь хлестала как на бойне, – кивнул младший комиссар, – почему я потом и передел вас в форму... И зря вы держите зуб на дока Меркера... именно он подарил вам...

– Извините, Генрих, – я пытался быть мягким, просто сил не было ерепениться, – амулет я получил в подарок отнюдь не от дока, а если бы не Зеро, меня бы препарировали эти ребята из лаборатории, а док Меркер да, возможно, гений, но абсолютно чокнутый и без моральных оков...

– Как и все гении, Моррисон, – парировал Миллер, завернувшись в угол плаща.

– Может быть, – мрачно произнес я, – просто мне никогда не нравились эволюционеры...

– Окончим этот беспредметный спор, Моррисон, – кивнул он бульдожьей головой, – давайте-ка поразмыслим, куда нам двигаться завтра... И, сначала дежурите вы, а потом я – буду на «собачьей вахте»^[4]...

Мы остановились в пятнадцати километрах от башни Скорпиона, между клубящейся над горизонтом уже не такой уж далекой границей Купола и Медвежьей горой. Хоть и видал я эту границу, и не один раз, но когда смотрю на нее вновь, всегда возникает какое-то благоговение перед Древними и их великой силой тех знаний, которые нам только снятся...

Мы постарались уйти от нашего «дохлого» бронехода как можно дальше, круто петляя по небольшим ручьям, дабы сбить погоню со следа.

Когда наш бронеход удирал от горящего дирижабля и возможного преследования, я особо не разбирал дороги, да и направление мне было безразлично: главное, как можно дальше от этой башни Скорпиона.

В результате я случайно взял на северо-запад, и та небольшая гора, за которой мы притаились, находилась на пути в тупик. Точнее, на пути к границе Купола, в которую справа упиралась Медвежья гора, идти туда никакого смысла нет. На горе можно спрятаться так, что никто не найдет: там редкие хутора и небольшие фермы. Но смысла в этом тоже мало, вряд ли мы найдем там телефонную связь. А уж артефактную – и подавно. Можно было бы, конечно, используя нашу форму частной охранной фирмы (кто догадается в этих местах, что «ДД» это «Дети Древних»), прикинуться жертвами нападения банды, к примеру, на броневик инкассаторов или еще чего придумать. Но кто поручится, что ищейки Оливии не начнут прочесывать местность, а все эти хутора и фермы не так многочисленны здесь. Да, это маловероятно, но в нашем положении лучше гарантированно не попасть в лапы этой психопатке. Идти на юго-восток в сторону шоссе на Палм-хиллс еще более рискованная идея, к тому же в курортной зоне нас отыщут быстрее, даже если мы до нее доберемся.

Перед тем как Миллер свернулся калачиком и засопел, мы просчитали все варианты.

Вариантов было, мягко говоря, немного: идти вдоль горы на северо-восток к северному побережью Верхнего озера, к небольшому рыбацкому городку Рокпорт. Вряд ли преследователи быстро сообразят, что мы направились Хиус знает куда: до точки около семидесяти километров по пересеченной лесистой местности.

Правда, можно было попытаться угнать какой-нибудь транспорт у местных фермеров

или как-то договориться с ними, так как денег с собой мы не прихватили. Да только кто убедит меня, что ни один из этих фермеров не свяжется с полицией, а там уж пойдет информация про двух оборванцев. А уж осведомители у мадам Бич в полиции быть обязаны. И чем позднее о нас кто-то узнает, тем лучше.

Сухпайков у нас немного, осталось три комплекта, но если мы поторопимся, то за три дня должны преодолеть это расстояние. А нехватку пищи можно компенсировать охотой, в этих лесах даже осенью можно встретить дичь. Правда, и хищников тоже можно повстречать.

В Рокпорте мы связываемся с нашим общим руководством в лице Зеленского и решаем, как действовать дальше. Хотя у меня были кое-какие мысли... Мне бы, вообще-то, очень пригодилась «команда Зага Моррисона»... Если она, конечно, не распалась. А еще я хотел проверить парочку подозрений.

Этот загадочный и вездесущий Зеро явно устроил какие-то «крысиные бега» между богатейшими и влиятельнейшими силами всего Иропа. Да так ловко это обставил, что никто его не может контролировать или как-то ему противодействовать. Зеро явно очень умен и могуществен, тем страннее, что сильные мира сего проморгали его появление. Они бы заметили давным-давно отток капитала, акций и ресурсов. Значит, Зеро действует не деньгами, он просто в них не нуждается, так как может получить в любой момент и сколько угодно. О чем это говорит? Он появился не так давно. По крайней мере вышел из тени. Скорее всего, первые его сторонники это бывшие эволюционеры, также находящиеся в тени. Возможно, Зеро и сам бывший эволюционер, это многое бы объясняло. Он срабатывает между собой элиты общества, не нуждаясь при этом в крупном капитале. Но при этом имеет свою «Зеро-инк». Во что вкладываются так активно наши толстосумы? В то же самое, чем активно интересовались «люци» из «Наследия» – в технологии Древних, о которых мы так мало знаем. А как он смог всколыхнуть верхушку, которая и так втихаря изучала эти технологии? Вот тем самым «бессмертием», которое он посулил властителям. Зеро бабахнул из стартового пистолета, и эти заплывшие жиром всевластия «отцы» Купола рванули за тем последним, чего им не хватало: за вечной жизнью Древних! Вот я бы сразу десять раз подумал: что-то нашим предкам эта вечность не помогла, так, значит, подвох какой-то имеется? Или же человеческой природе такое чуждо (а ведь боги, согласно Писанию, создали нас по своему образу и подобию)?

Но в любом случае жадные воротилы ломанулись по треку, так как власть, передаваемая из поколения в поколение, может внезапно загрохотать: дети тупеют на всем готовом, управляющие и замы становятся все умнее и опытнее, да и конкуренты не дремлют. А тут мало того, что страх смерти управляет всеми людьми, и вдруг можно от него отделаться, так еще и власть будет с тобой всегда! Это же мегамагнит! Фантастический сон! Сказочная мечта! И вот могучие, расчетливые, умные и изворотливые потеряли чувство страха и осторожности.

И внезапно выясняется: товар-то с душком! Точнее, товар разного сорта оказался. Тот, что получили самые шустрые и наглые, неожиданно скатился в котировках акций: это бессмертие артефактное, да еще и управляемое. Ну кому такой товар нужен? Либо все, либо ничего!

Но отказаться от вложенных средств, сил и мечтаний, особенно, когда все беговые дорожки распределены, и финиш маячит не так далеко, это НЕВЫГОДНО! Для этих господ – закон рентабельности важнее, чем земное тяготение. А тут оказалось, что дорожки у

некоторых короче, более гладкие и удобные. И тогда некоторые из «спортсменов», вспомнили о *справедливости!* И начали пытаться ее восстанавливать на свой, понятно, лад.

Зеро стравливает меж собою элиты. Зачем?

Власть ему явно не нужна, иначе он давно бы всех, кого надо, обессмертил и управлял бы ими, так зачем ему такое шоу? Он, Зеро, явно имеет какую-то побочную цель: насколько я понял его умственные способности, такое дешевое развлечение, как эти «крысиные скачки», не по его части. Разве что его цель это «*скорпионы в банке*»: заплывшие жирком «стабильности» воротилы будут жрать друг друга, и когда останется самый сильный, его-то Зеро и подомнет под себя. Такое вполне возможно... Скорее всего, это какой-то эволюционер из «Наследия» с богатейшей коллекцией технологий... Цель его не может быть такой явной и прямолинейной. Не могу в это поверить...

Звук, который я внезапно уловил сквозь тихий шум ветра, услышать ожидал, но все равно вздрогнул, повесив одеяло на ветку дуба. Сразу же горный ветер пробрал холодом до костей.

Дабы не уснуть на вахте, да и по правилам армейской тактики я занял позицию не в теплой импровизированной палатке, а в ветвях ближайшего дерева, откуда было отлично видно саму прогалину, где стоял наш мини-лагерь, да и неплохой вид открывался на проселочную дорогу, огибавшую нашу гору. Меня же прикрывала сосновая роща, сквозь которую вид был почти идеальным. Я достал трофейный бинокль и приник к окулярам.

Звуки в горах разносятся гораздо быстрее, чем обычно, и как только я уловил тихий гул двигателей, мне пришлось еще минут пять подождать, пока из-за горного склона не показались бледные лучи света на фоне темноты ночи. Еще через некоторое время на дорогу выехали черные силуэты с яркими звездами электрических фар и прожекторов. Две покачивающиеся фигуры «пятерок» и три бронированных автомобиля... Вот жалко, что мы с Миллером их не нашли: сейчас бы ехали себе по лесу, управляя по очереди. И топлива хватило бы надолго.

Я кинул критический взгляд на наш бивуак: вроде бы ни дыма, ни света не видать.

Снова приник к биноклю, стало видно, что на броневиках прямо снаружи сидят «лягушки». Бронеходы идут медленнее, им на разгон времени дольше, да и патруль спешить не должен. Я очень надеялся, что они не имеют хитрых артов, которые могут заметить человеческое тепло на больших расстояниях.

Косвенно мою надежду подкрепляло то, что более быстрые и достаточно проходимые броневики вырывались от шагаходов вперед, по дуге разворачивались по краям дороги, а затем снова возвращались в колонну.

Таким вот хитрым способом они прочесывали кромку леса, наверное, в поисках дыма или огонька костра.

Сделано, конечно, грамотно, но вот лично я, как командир колонны, добавил бы короткие остановки по маршруту, отправляя «лягушек» пошарить хотя бы по ближайшим подлескам. Но кто я такой, чтобы советовать наемникам самой Оливии с «фенами» наперевес? Вот нет у них теперь дирижабля – потому и растерялись! А вызвать с аэродрома самолет с артами для разведки то ли ума, то ли времени не хватило.

Крупный силуэт армейского броневика, чиркнув фарами по роще и завывая двигателем, пронесся с противоположной стороны сосновой рощи, и я фактически даже перестал дышать, убеждая сам себя, что форма наших плащ-палаток не ровная, цвет защитный, а угли почти уже стали золой...

Внезапно броневик резко затормозил, и меня обдало холодным потом, а в глазах

немного потемнело от недостатка воздуха.

Неожиданно машина резко сдала назад и слегка развернулась...

А затем, снова взревев двигателем, рванула вперед...

Тихонько выдохнув, я только сейчас заметил, что этот маневр был связан с объездом поваленного ствола дерева на краю рощи.

Великий Круг! Фух... Хорошо, что наша полянка очень маленькая, да еще и в небольшой яме, с небольшой выпуклостью в центре...

С чувством глубокого облегчения я провожал взглядом удаляющийся броневедомобиль и постепенно исчезающий за следующим оврагом патруль.

Стало понятно, почему этот патруль так сильно задержался в погоне за нами: не обнаружить нашу сдохшую «пятерку» они не могли и наверняка потратили кучу времени, чтобы изучить все возможные пути нашего отхода. Но недавний дождь нам помог – размыл следы.

Вот как мы завтра пойдем вперед? Петлять придется, осторожничать, а значит, потеряем много времени. Но не срывать же сейчас по ночному лесу?

Днем они нас, скорее всего, будут поджидать на дороге, вряд ли вернутся на базу.

Просто надо обо всем рассказать Генриху, вдруг он утром увидит, как они домой торопятся?

Да – Оливия нанесла удар, мы в чем-то проиграли, но наше бегство это удар ответный... И главное, чтобы Оливия не могла ударить снова, по меньшей мере сейчас...

Я снова завернулся в одеяло, и от бешеного пульса, от пережитого волнения довольно быстро согрелся, хотя и дрожь долго не уходила.

По моему хронометру, у меня оставалось буквально полчаса дежурства, во время которого я пару раз аккуратно спускался с дерева и минуты по три слегка грелся у нашего импровизированного очага и грел над ним одеяло, разминая затекшие мышцы.

На дерево забрался, только внимательно оглядевшись и прислушиваясь к каждому шороху.

В какой-то момент я начал клевать носом, но уснуть не мог: на ветке не расслабишься... И вдруг я услышал далекий тихий хруст ветвей со стороны дубравы.

Шаги...

Снова я взбодрился до крайности, пытаюсь разглядеть сквозь голые ветви движение в темноте.

Рука тихонько сняла с пояса кольт, но щелкать я им не стал: подожду пока... Левоу рукой я нащупал в кармане «адлер» – хоть какая-то, но поддержка: два выстрела лучше, чем один.

Неожиданно мой затылок резко закололо, а по телу пробежала волна мурашек. Ощущение тревоги стало распространяться во мне, охватило некое оцепенение, только в груди чувствовалось тепло.

Я старался успокоиться, когда внезапно, прямо во мраке, меж ветвями показалась слегка подсвеченная тусклым красноватым светом огромная человеческая фигура... или не человеческая?

Мороз по коже снова пробежал, и я с трудом выровнял дыхание, стараясь не издавать ни звука, пока на поляну не вышло это...

Неестественно высокая фигура! Мое зрение было обострено до предела, и я видел многие детали, хотя лучше бы я их не видел...

Из-за стволов деревьев показался человек... точнее, не совсем...

Макушка напоминала формой грушу, хотя головного убора явно не было, голова поросла длинными патлами комковатых волос. Кисти качались ниже колен. Туловище покрыто серебристой шерстью, а пятно лица – темное, с жутко бликовавшими желтыми глазами.

И... оцепенение... никогда ранее я такого не чувствовал... Говорят, они так действуют на сиблингов...

В основном я видел йети только в кино или в мертвом виде. Изловить их живьем считалось нереальным. Не только потому, что это очень сложная задача. По непонятным причинам йети в неволе очень быстро умирали. Без всяких видимых причин. Некоторые ученые говорили, что им необходимо поддерживать некую энергетическую связь меж собою в стае. Еще я знал, что они живут в горных пещерах или строят огромные гнезда на деревьях в лесной чаще. На этом мои знания заканчивались...

Краем глаза я заметил, как две мохнатые лапы, словно ожившие ветки, стали перебирать по стволу моего дерева.

Потому я и выстрелил одновременно из двух стволов!

Свист, шипение и клеткот: грубая фигура повалилась, а затем из палатки показалась лысина Миллера, и он открыл огонь.

Но тут я замер: из-под деревьев виднелись десятки подобных силуэтов. Еще йети...

Они уже засекли мое положение на дереве, Генриха в центре нашего лагеря и начали медленно стекаться к поляне...

Даже не знаю, что хуже: вернувшийся на звук выстрела патруль или эти обезьяны...

Я поменял обойму кольта – оставалась последняя. В «адлере» патроны вышли совсем. Всюду раздавался хрип и рычание.

Я понял: все... не справимся...

Мохнатые руки хватали кору дуба и, толкаясь, лезли вверх, а когда во лбу темной морды расцветала красная дыра, падали, но лишь затем, чтобы полезли новые...

И тут сквозь рык послышался хриплый и гортанный голос, словно записанный на пластинку:

– Человек, не стреляй...

И будто по приказу все застыло – я пытался надавить на курок, но мой палец, точно онемел...

– Зачем ты убиваешь? – вновь проскрипел хриплый, не совсем человеческий голос. – Хозяин моей головы просит перестать стрелять...

Я замер на ветке, как зяблик возле совы: я ни разу не слышал о говорящих йети! Да еще этот голос – он вызывал липкий страх.

Лысина Миллера даже в темноте блестела потом, а я вообще обмяк...

– Зачем ты сопротивляешься, котик? – проскрипел голос, и меня покорила знакомая манера «котик»...

– Пошел прочь! – крикнул я и выстрелил в ближайшего йети, но тут на заднем фоне загудели моторы...

Ну, вот и все – звуки выстрелов привлекли патруль... нам крышка... Отлично! Прощай, старина Заг, снова прощай...

– Спокойно, человек... – вновь проговорил голос под деревом, – я не желаю тебе зла...

Я наконец увидел вожака стаи, он был под три метра ростом и мог бы снять меня рукой с ветки, но просто смотрел, и глаза его блестели.

– Ты испуган? Подавлен? От тебя пахнет страхом. – Да уж, смелостью тут не может пахнуть: я могу понять говорящий кофейник, но говорящего йети...

– Спускайся, и мы сохраним тебе жизнь, человек, – снова завибрировал хриплый голос, – поторопись, времени все меньше, сюда идут чужие...

Моя ладонь так и застыла с зажатым магазином к пистолету, и я, словно зачарованный, хотел слушать этот голос дальше...

Единственное, что я заметил, так это огоньки фар в дубровнике и шевелящиеся на фоне света фигуры, рассыпающиеся по роще...

– Зачем вам я? – Пальцами я массировал онемевший затылок.

– В тебе мощное «чи»! И голос в голове говорит, что ты ценен для стаи...

Внезапно грохнул спаренный выстрел, и вокруг йети выплеснулось облачко кровавых брызг – стреляли дробью....

– А ну! Навались, братва! – раздался пронзительный голос, отразившийся легким эхом от крон деревьев, и ружейные выстрелы загрели вокруг...

Из рощи нестройной дугой выходили люди с ружьями на изготовку.

Я их видел зрением сиблинга, но и то мог понять, что они одеты в кожаные куртки, держат охотничьи стволы и тлеющие факелы.

– Зададим «авдошкам»! – крикнул кто-то, и темнота ночи снова озарилась вспышками.

– А! Накрыли! Лабай «авдошек»!!! – До меня начало доходить, что люди стреляют в мохнатых высоких обезьян.

Те с рычанием бросаются на людей, но последние не только разряжают в мохнатых двенадцатый калибр, но и кидаются горящими палками, отчего йети отпрыгивают с воем в стороны.

– Мочи уродов!!! – громко крикнул кто-то, и тут же захлебнулся клокочущим хрипом: грохнул сдвоенный выстрел.

Рык смешался с воплем боли.

– Сука... – хрипло простонал кто-то.

Я дергался и ерзал на ветке, потом, заметив, что под деревом только лежащие тела, прыгнул вниз...

Неожиданно мохнатая когтистая лапа ударила меня по голове, и я впал в некую прострацию, то самое оцепенение, только более мощное, до потемнения сознания...

Глава 2

Житейские проблемы простых людей и их последствия

– Надо было копов звать! А теперь вон Петьку задрали Загорского, у нас вон тоже раненные! – услышал я чей-то звонкий голос.

– Ща их наш знахарь подлатает! Не бойсь!

– Ой! Да уже звали мы этих полицаев! Им «авдошки» до такой-то мамы! Они на атефактеров оглобли разворачивают!

– Ну вот! Уже людей терзали! Я вам и говорю: скотина. Это только начало! На Иваньковском хуторе младшего подрали гниды, да у Миклухи вообще всех! Я точно знаю!

– Стрелять их надо! – выкрикнул низкий баритон. – Вот как сейчас, собрались же!..

Медленно я выходил из «замороженного» состояния.

Приоткрыл веки чуть-чуть, вокруг стояли открытые пикапы с зажженными фарами и куча вооруженных людей, но они не были похожи на военных: одеты кто во что, в руках ружья и карабины, у многих лица, поросшие окладистыми бородами.

– Да и правильно! – крикнул какой-то мужик в кожаной куртке, – пора самим тут за дело браться! Вон федералы-то небось потревожили!

– Какие тут федералы?!

– А ты сам-то видал, что тут из правительства? Вона! На ентих шатунах ходють! Ищуть, видать, таких жа, как давеча в шахте... Вот «авдошки»-то и занервничали!!!

– Так у меня коровку-то задрали дойную! Хиусы поганые!!! Вот енти же облезяны! А мне страховку-то кто заплатить?! Сколько терпезу-то надо???

– Тихо!!! – крикнул кто-то властный.

Тут уж я открыл глаза и снова закрыл: фары автомобилей светили со всех сторон...

– Вона! Пусть ихний скажет! Кажись, очухался! Зенками-то шевелит!

– Эй! Ну-ка, вертухай, рассказывай!

Пришлось опять открыть глаза, сощурившись. Косматое лицо, поросшее бородой, дохнуло на меня запахом перегара и чеснока, и человек легонько пнул меня кулаком под ребра, не сильно, как бы призывая к диалогу.

Постепенно я привык к контрастному освещению.

Я поднялся на локтях, прислонившись к стволу дерева; трупы кошмарных обезьян сложили кучей на полянке. Куча была внушительная, да и широченная: трупы огромного роста. Один из собравшихся обильно поливал ее из канистры бензином, судя по резкому запаху.

Тут же, поведя взглядом вправо, я заметил сидящего на капоте Миллера, который был в позе Зодиака, поджав под себя ноги, и напоминал ту самую статую, своим рыбьим взглядом невозмутимо уперевшись в кучу трупов. Наверное, это зрелище его успокаивало как-то, а может, из-за того, что двое суровых мужиков держали его под прицелом карабинов?

– А? Что рассказать-то? – пробубнил я, сплюнув на землю.

Я понял по акценту, что имею дело с рослингами, а у меня бабушка из них.

– А вот и расскажи! – грянул голос крупного человека, подсвеченного сзади фарами, – это зачем вас «авдошки» искали? И почем тут ихнии скворечники шатаются? Из-за вас же

кипишь?

Некоторое время я соображал: нужно действовать быстро, так как с минуты на минуту вернется патруль, да и наша с Миллером легенда о появлении в этих местах, судя по всему, сейчас может нам только навредить.

– Простите, а с кем я имею честь беседовать? – решил уточнить я сразу.

– Артем Иванович я, Пухов, – фермер здешний с Вороньего Бугра. И со мной все местные. А вы кто будете?

– Загрей Моррисон мое имя, – кивнул я, – и кипиш из-за нас, да.

Наконец-то я разглядел это бородатое и усатое лицо с внимательными глазами из-под кустистых бровей. Оружия у него в руках не было.

Я понял – нужно говорить почти всю правду, иначе местные нам точно не поверят, а не поверив, сдадут нас патрулю. А патруль скоро будет.

– Вы же в курсе, мистер Пухов, что тут недалеко в горах старая башня? – Я с трудом извлек из кармана униформы мятую пачку сигарет и немного расслабился – никто не дернул ствол в мою сторону, значит, не очень-то нас и боятся.

– Это елда Хиуса, где феды сидят? – Фермер поморщился, словно куснул лимон. – Кто ж не знает-то, от них-то и все наше беспокойство. Они там чего-то натворят, а у нас по округе всякая нечисть шевелиться начинает. Ты из них будешь?

Под конец фразы глаза его нехорошо прищурились.

– Не совсем, – мрачно ответил я, – там, в этой башне под видом федов «люци» сидят недобитые...

Я поймал на себе внимательный рыбий взгляд Генриха, он словно пытался меня загипнотизировать, но потом резко отвернулся.

– А я так и думал! – высказался кто-то из фермеров. – Вот Кругом поклянусь!

– Ребята, – я попытался изобразить на лице мольбу, – на шум выстрелов, скорее всего, сейчас вернется патруль, может, поговорим по дороге?

– Так давай по-быстрому рассказывай, – посоветовал Пухов.

– Так вот, мы как раз про то место узнали, приказ нам был – все выяснить. Сами-то мы из полицаев будем, – собеседник мой снова напрягся, и я старался думать, что моя цепочка рассуждений не разгневает его, – пытались мы к ним проникнуть, да они нас взяли. Хотели под нож положить, у них там врачи-ученые. Какие-то опыты хотели делать. Что-то там у них случилось, непонятно, мы в камере были, всего не знаем. Только тревога поднялась у них, и мы под шумок-то и сбежали: машину угнали, но топливо кончалось, и мы пешком пошли. Вот лагерь поставили – переночевать, а тут сперва патруль, но не заметили нас, а потом эти из лесу повыскакивали... а вы, получается, нас спасли...

Некоторое время стояла тишина, и я старался изображать из себя максимально изможденного человека, которым я, впрочем, и был.

– И ты им веришь, Тема?! – спросил давешний тип.

Я замер – решалась наша судьба.

– А не ты ли, Архип, говорил, что копов звать надо? – медленно спросил наконец Пухов.

– Да какие из них полицаи? – возразил собеседник.

– А чего ж они патруля опасаются? – резонно заметил Пухов.

– А то как брешут?

– Вот и узнаем сейчас...

Вдруг сквозь деревья раздался тихий двойной свист.

– Все, снимаемся: патруль идет, – прервал все споры коренастый мужичок в широкополой шляпе, – в Вороньем Бугре поговорим!

К куче мертвых йети подвели длинный «огневой шнур», которого хватало минуты на четыре: на некоторое время это отвлечет патрульных.

Я вызвался помочь, чтобы проверить одно свое предположение.

Хоть за мной внимательно наблюдали, пока фермеры рассаживались по своим пикапам, я успел откинуть мокрые от бензина космы самого крупного йети и даже в тусклом свете увидеть характерный шрам на темном виске этой твари.

Затем меня погнали в украшенный ветками пикап, в кузов вместе с Миллером, и машины стали разъезжаться из дубравы.

Кто-то надел на нос артефактные очки-гоглы, чтобы видеть в темноте, кто-то надел на фары светомаскировочные насадки с щелью. Позади кузовов автомобилей были привязаны пучки веток для максимального уничтожения следа на мокрых дорогах.

Нас не связали и не приковали, но в пахнущий навозом кузов с нами посадили двоих с карабинами, предварительно вежливо отобрав наше оружие.

Даже если бы у меня и возникла идея выпрыгнуть из кузова, то, скорее всего, я расшибся бы о камни и стволы деревьев: машины жутко трясло, и ехали они в полной темноте, лавируя по рощам и каменистым отрогам с быстротой, говорящей об отличном знании водителями окружающей местности.

Погребальный костер из трупов йети уже минут десять как потерялся в темноте, а мы продолжали движение.

Было промозгло и зябко, сырой ветер бил в лицо, а на востоке в черном небе мерцала где-то далеко граница Купола.

Миллер немного побрюзжал, обвиняя меня в разглашении каких-то государственных тайн, но делал он это неубедительно и тихо, так, чтобы нас не услышали наши конвоиры. Да и плевать я хотел на его брюзжание, так как в связи с последними событиями поспать я так и не успел и чувствовал себя измочаленным до крайности: меня бил легкий озноб, глаза слезились и даже на такой тряске слипались. Я едва держался за борт кузова, чтобы не стать самодвижущейся половой тряпкой.

Через полчаса мы въехали в крупный и широкий овраг, больше напоминающий небольшую долину, и тут послышался далекий лай собак, и сквозь деревья забрезжили редкие огоньки окон деревянных хижин.

Да если тут нас и попытаются найти, то явно это случится совсем не скоро. Да и что патрульные предъявят фермерам? То, что те постреляли «авдошек», как те называли йети? Так это их право – чудища нападают на людей и скотину. И вряд ли фермеры слышали говорящего йети. А доказать, что они прихватили с собой двух беглецов, будет весьма непросто. Да и раздувать конфликт с местными вряд ли в интересах Оливии, купить всю полицию Купола – банально не хватит денег, еще и светиться лишний раз...

По ходу нашего пути некоторые машины сворачивали куда-то: вероятно, к своим домам, так что в долину мы въехали в составе уже трех пикапов из шести.

Собаки надрывались, но как только пикапы остановились во дворе хутора, почти сразу замолкли. Два пегих кобеля, гремя цепями и повизгивая, вышли на середину двора, отчаянно виляя хвостами, приветствуя хозяев.

У дверей домов стояло несколько женщин в сарафанах и мужчины в плащах. В центре

двора зажглась под абажуром одна-единственная электрическая лампа, наверняка признак высокого достатка жителей хутора.

– Ох, Артемий! Извелась я вся! – Одна из женщин бросилась к вылезшему из кабины Пухову и порывисто обняла его.

– Я же сказал, Наталья, – грубовато-ласково ответил тот, – все будет хорошо! Постреляли «авдошек»... Ну, все... все... Перед людьми неудобно... Мы тут пару гостей привезли с собой, в лесу нашли, накормить бы их стоит...

Я, конечно, родился в маленьком городке, да и деревень у нас в округе видал немало: жил в детстве у бабушки в фермерском доме. Но это все же не совсем одно и то же.

Здесь, в горах, было ощущение полной изолированности от любой цивилизации. Люди здесь сами по себе, и все у них свое. Разве что за бензином и патронами ездят в город, да за разными промышленными товарами типа лампочек, запчастей, лопат, граблей.

По характерным силуэтам и тихому шуму я заметил на ближайшей горе несколько ветровых генераторов, которые давали ближайшим хуторам энергию: в горах с ветром все хорошо. Когда мы подъезжали, между лесом и местной речушкой, которая и прогрызла за тысячи лет эту долину, я заметил распаханное поле. Не удивлюсь, если на склонах гор есть виноградники, которых в темноте просто не видно. Вокруг хутора стояли аккуратные фруктовые деревья с редкой пожухлой листвой, невысокие и посаженные по «клеткам».

Пахло сыростью, но не противной плесенью, а какой-то травяной, душистой, которую дает сено. Даже запах животных, несмотря на сырую ночь, витающий по двору, не казался противной вонью. Где-то слышалось тихое кудахтанье кур, а под навесом во дворе стоял старенький, выдавший виды колесный трактор, плуг и прицеп, укрытый брезентом. В одном из сараев раздалось приглушенное мычание коровы.

У меня было такое состояние, что если бы меня положили сейчас даже в хлеву с навозным духом, но где сухо и тепло, я был бы просто счастлив, почти как в своей уютной комнатке на набережной Гренадеров.

Людей во дворе прибывало: всем хотелось узнать подробности рейда Артема Пухова и его товарищей, собственно, его же соседей по деревне.

Несмотря на мои ожидания, в хлев нас не повели.

– Том! – Пухов сделал одному из наших конвоиров какой-то жест, и тот кивнул.

– Пошагали-ка, голубчики, туды, – кивнул нам Том в сторону сарая с глухими стенами, абсолютно без окон.

Да, перспектива безрадостная... Надеюсь, деревенскую тюрьму не сравнить с казематами дока Меркера, но сама суть от этого не менялась: запрут. А убегать от местных по этим буеракам, которые они знают как свои пять пальцев... это совсем не вариант.

– Это зачем же нам туда? – вяло спросил я, понимая, что вооруженным людям принято подчиняться.

– Ну а как вы хотели? – ответил напарник Тома. – Кто же за стол такой замызганный садится? Сначала надо баню принять...

О Зодиак! Баня!

У меня едва колени не подкосились от восторга.

– Да и одежду вашу постирать стоит, а то вона как измазались-то, пока с «авдошками» возились да по лесу бегали.

Выходить из бани я не хотел от слова совсем! Этот запах сосновых досок! Этот жаркий пар от раскаленных камней! Я словно родился заново после всех этих подземелий и операций! Миллер и я отхлестали друг друга поочередно душистыми липовыми вениками. Потом мы залезали в дубовую бочку с холодной водой, а потом повторяли этот цикл. Даже Генрих повеселел и попытался своим ровным тоном прочитать мне лекцию о различных типах банных процедур и их отличиях в разных областях Иропа.

Я получал столько удовольствия, что даже не перебивал его, хотя и не особо слушал. Это вам не гидромассаж в курортном отеле!

Единственное, что отравляло мне радость, так это багровый круг кожи на грудной клетке, в центре которого виднелся золотой диск с бирюзовым полем, где по-прежнему красовался символ Овна. Это заставляло вспомнить недавние события, и даже в горячей бане меня пробирал озноб.

Потом пришел напарник Тома, которого звали Прохор, и молча положил нам на деревянную лавку чистые холщовые рубахи и безразмерные стеганные штаны.

Немного помолчал и все же сказал:

– Вашу одежду женщины стирают, а вы заканчивайте и в хату идите, ужинать будем.

Мы сперва вошли в сени (это такая большая деревенская прихожая, которая не пускает холодный воздух в помещение и служит небольшой кладовой). Там стоял целый батальон разнокалиберной обуви, и мы также разулись.

В доме тоже горел электрический свет, хоть и одна тусклая лампа. Освещение усиливали стоящие по углам свечи и керосиновые лампы.

В правом восточном углу висела треугольная полка, на которой стоял позеленевший патиной от времени медный круг с символами Богов и сидящей фигурой Зодиака в центре. Нам было велено осенить себя круговым знаменем, после чего нас усадили за большой стол с белоснежной скатертью в центре комнаты. За столом уже сидели члены семьи Пухова и давешние фермеры-соседи. Перед ними стояла куча еды в деревянных мисках, два прокопченных чугунка и высокий самовар.

Половину комнаты слева занимала высокая беленая стена печки с задернутой лоскутной занавеской перед лежанкой, это такое спальное место наверху с подогревом.

При всей кажущейся простоте этого обогревательного агрегата я знал, что деревенская печь довольно-таки сложная инженерная конструкция. Это не наше городское паровое отопление, которое я случайно отключил, бегая по подземным коммуникациям Фауда.

Сперва налили какого-то густого супа с капустой и мясом, который оказался безумно вкусным, в наших ресторанах такого не встретишь. Хотя на вид варево было совсем неэстетичным.

Потом жена хозяина дома положила нам большим деревянным черпаком гречневой каши с тушеным мясом и овощами. И это тоже показалось мне удивительно вкусным блюдом! Правда, оно было и необыкновенно сытным: после первых пяти ложек я почувствовал, что объелся, и вся бодрость после бани куда-то девалась в одночасье.

Я разглядывал хозяев, пытаясь бороться со сном: аккуратно стриженный «под Зодиак» Артемий Иванович был лет сорока – сорока пяти от роду, русоволосым, с такой же бородой и усами на скуластом лице с выступающим подбородком. Прищуренные голубые глаза с озорной хитринкой глубоко прятались под надбровными дугами с кустистыми бровями. Миллер по сравнению с ним напоминал надувной шарик мистера Озерного.

Жена хозяйина, щекастая, румяная, с носом картошкой и огромными серыми глазами, несмотря на возраст, выглядела привлекательно. Ее звали Наталья. Дочь с таким же носом, с россыпью веснушек и русыми косами, свернутыми «бубликом» на затылке.

Архип, молодой парень лет двадцати пяти, по контрасту со всеми гладко выбритый, с узким подбородком и нервическими тонкими губами, которые слегка покусывал, внимательно бегая водянистым взглядом по нашим лицам. Том с косматой пегой бородой, выпуклыми глазами и горбатым носом. Прохор такой же бородатый, как йети, только и блестящие карие глаза сквозь черную растительность с проседью. Плюс еще четверо фермеров с разной степенью небритости и настороженными взглядами.

– Ну что, мужики! – Наш хозяин обвел всех взглядом. – Отметим нашу победу по плоточку-то?

Все одобрительно загудели, и только Наталья вздохнула как-то печально.

Артем достал из-под стола литровую бутылку зеленого стекла, а безымянная дочь, как по команде, метнулась к деревянному старому шкафчику и расставила по столу стаканы.

– А что это за напиток? – сухо осведомился Миллер.

– Самогонка наша из виноградного жмыха, – ответил Пухов. – Чистая, как слеза Анехиты...

– Ну, не говори так, Артемий, – укорила его Наталья.

– Да брось ты, – отмахнулся тот, – с любовью же сделано, не абы как. Вот, мужики, форелька из нашей речки маринованная, закусывайте... Наталья сама делала...

Мы выпили, закусили. Рыба действительно имела нежный вкус, она словно таяла во рту. Но тут не принято было пить, как у нас: захотел, налил и опрокинул. Это был какой-то ритуал. Сначала тост за то, чтоб «авдошки» передохли, потом короткие реплики и разговоры, затем снова разлив и так далее.

И когда голова моя уже начала гудеть, и глаза слипаться, хозяин произнес:

– А вот теперь и поговорить можно...

И все как-то притихли, давая возможность хозяину вести нить беседы.

Кто-то сытно рыгнул.

– Вот сегодня встретились мы с Загом и Генрихом, – начал неспешно Арсений Иванович, – они нам маленько спомогли, а мы им. Хорошо они «авдошек» били. Бойцы. Сказали они нам, что из елды Хиуса сбежали. Говорят, с секретной миссией их туды заслали-то. Вот я и хотел подробнее вас, мужики, расспросить – как у вас энто вышло? Да и про себя расскажите маленько – люди вы нам неизвестные, так и узнать про вас нам любопытно будет.

– Ну, коротко я уже говорил, – я прокашлялся, мужественно борясь со сном, – узнали у нас в полиции, что в этом месте что-то нечисто, так мы туда и отправились. Да захватили нас. Поднялась у них тревога, ну мы и сбежали – повезло, на лифте в гараж спустились. А там транспорт... вот мы и деру дали... пока бензин не кончился...

– Не бензин, а соляра, – поправил Артем, – от вашей одежды солярой воняло.

– Ну да, – кивнул я, – имел в виду топливо.

– А на ентом топливе, – спокойно продолжал наш хозяин, только броневики ходят, да еще «скворечники» ихние... А вы, стало быть, броневик угнали?

Все во мне внутри сжалось: кажется, этот простой фермер гораздо умнее, чем выглядит, и сейчас проверяет нас на честность. Вот кто поручится, что они не нашли наш «Гром», «сидящий» в лесу на подогнутых лапках? Весь этот шикарный ужин – это гостеприимство,

не более... А наша дальнейшая судьба будет зависеть от этого разговора.

Но даже если бы у меня было бы с собой оружие, смог бы я сейчас кувыркнуть на пол и перестрелять всех этих людей своими фирменными «кросс-шутами»? Нет – я бы не смог. А вот мы для них – подозрительные чужаки, и они смогут сделать с нами то, что покажется им правильным, для защиты их дома и спокойствия.

– Бронеход мы угнали, – ответил я спокойно, – на нем и ушли.

– Ага, – кивнул фермер, – правду говоришь, видали мы тот бронеход. Еще удивились – кто енто его бросил? Феды так себя не ведут, верно. А тогда, Захар, – он переименовал мое имя на свой лад, – такой к тебе вопрос: как же полицейай с такой машиной-то управился? Машина сложная, не всякий-то водила с такой сладит.

Я чувствовал, что под ногами начался тонкий лед.

– Так я до НОБНОТа в жандармах служил, – ответил я, – там проходил курс вождения. Да не очень-то и научился. Если б Генрих за стрелка не отработал – там бы и остались...

Миллер снова не проявлял никаких эмоций, но на его лысине выступили мелкие капельки пота, может, от алкоголя непривычного, а может, еще от чего.

– Значит, жандарм бывший? – вклинился внезапно Прохор. – А ты не из бывших «люци»? У нас тут их ой как не любят!

– Не все жандармы были за эволюционеров, – спокойно ответил я, – я служил федам всегда.

– И чего наслужил? – насмешливо переспросил Архип, вызываясь стрельнув на меня взглядом.

Я ответил ему пристальным и прямым.

– Контузию под Корсун-сити, – медленно произнес я, – в пятьдесят втором году.

На некоторое время повисла пауза.

– А где служил? – наконец спросил Пухов почти безразличным тоном.

– Сто третья отдельная мотострелковая рота жандармерии, – ответил я, нагло протянув руку к бутылке самогона и налив себе стакан почти до краев.

– Ну что же, – Пухов посмотрел на меня пронзительным взглядом, – слышал я про «сто третью», двоюродный брат моей жены там служил, Сваровски его фамилия...

Я так же нагло, без тоста опрокинул приятную жидкость себе в рот и закусил нежной форелью.

– С ним служил, – глухо ответил я, прожевав рыбу, – погиб он там. Осколок в живот получил.

В тишине раздался всхлип: это жена хозяина Наталья прижала к глазам платок.

– Налей-ка нам, Прохор, – все так же спокойно произнес Пухов, – помянем ребят.

Прохор налил, и мы выпили не чокаясь.

– А я все равно ему не верю, – сказал Архип, с прищуром буравя меня взглядом.

– Это чего же так, Архипка? – тоном, которым обычно отец говорит «ты чего кашу не ешь», спросил Пухов.

Разговор начинал меня серьезно напрягать: я сейчас совсем не в форме, и даже вместе с Генрихом, ну что мы двое уставших сделаем девятерым здоровым мужикам?

Затылок мой снова закололо, и я повел взглядом вокруг.

– Уж больно они на сиблингов похожи, а у нас сиблингов не любят, – хитро прищурился Архип, держа в руке приборчик, похожий на ручной хронометр, на котором вместо циферблата было две выпуклых лампочки, одна из них горела синим огоньком.

Вот тебе и «привет»! Хиус им в зад!

Слышал я про такие арты – «Касание Азера» (Стрельца). Они не самые редкие, но почти все наперечет, во время войны единороды так определяли сиблингов – если синий огонек. Если зеленый, то единород. Ими владели специальные подразделения полиции и жандармерии. Где эти ребята раздобыли такое?!

– И правда, – нахмурился Прохор, – сиблинги они!

– Да, – кивнул я, – я сиблинг Овна, артефактер. Работаю на НОБНОТ. А моя лицензия заставляет меня служить в полициях. Собственно, потому меня и направили к елде Хиуса, как вы говорите. Возникло подозрение, что там проводят незаконные эксперименты с артами, так кого же еще прислать? Генрих – он тоже из полиции Нью-Фауда...

Я прикусил язык, но было уже поздно.

Повисла тяжелая пауза. Тикали маятником ходики на стене, да кто-то кашлянул тихонько.

– Столичные, стало быть... – то ли спросил, то ли утвердил Пухов.

– Какаву там свою небось контрабандную пьют и девок лапают... – произнес кто-то из фермеров нетрезвым голосом...

Неожиданно мне стало настолько на все наплевать, что я снова налил себе сам, грубо нарушая все неписанные правила...

– Сиблинги бывают разные, – зачем-то ляпнул доселе молчавший Миллер, и мне захотелось стукнуть его ногой под столом, но у меня уже не было сил.

– Да! – вдруг воскликнул Том. – У меня как раз на чердаке два арта каких-то валяются! Еще от деда остались! А в Рокпорте местные нюхачи такие бабки заламывают, что закопать эти ангровы железки дешевле! Может, глянешь, мил-человек? Так, по доброте? А я тебе за это вина бутылку подарю! У вас в столице такого не сыщешь – настоящее, домашнее!

Артем Иванович спрятал в пшеничных усах легкую ухмылку.

– Вообще-то, и у меня арты имеются, – задумчиво произнес Прохор, – и тоже вроде как пристроить некуда. А так ведь скупают за бесценок нюхачи эти... а так, глядишь, и в хозяйстве что сгодится!

Тут выяснилось, что у многих собравшихся есть что посмотреть, и я облегченно вздохнул.

– Я конечно же без аппаратуры, – сказал я, – и печати сертификационной у меня с собой нет, не прихватил на задание-то...

– Это, мил-человек, ничего, – махнул рукой Пухов, – это мы сами решим. Ты, главное, обстановку общую проясни.

– Да без проблем, – кивнул я.

– Давай за служивых выпьем! – неожиданно предложил Прохор.

И все одобрительно загудели.

После этого напряженного разговора застолье переросло в бурный праздник: Прохор достал баян и сыграл несколько военных песен, одна из которых «Бей люциев – делай революцию» была особенно зажигательной. Миллер сидел, словно мумия Древних, продолжая жевать, чтобы хоть чем-то заняться. Забавно было в этот момент за ним наблюдать. Хотя не думаю, что он был идейным эволюционером – он из тех людей, кто во всем видит выгоду. Если бы все здесь могли бы только заподозрить, кто сидит с ними за столом... страшно подумать даже.

Затем завели старенький обшарпанный патефон. Дальше я уже помнил не очень хорошо, но меня позвала танцевать хозяйская дочка, которую, кажется, звали Татьяной.

После этого я ляпнул, что моя бабка была из рослингов, и это вызвало настоящий восторг собравшихся. А потом... какой-то темный провал в голове, к которым я за последнее время уже успел привыкнуть, как к неизбежной части своей жизни...

Впервые за последнее время, когда я распахнул веки, в полумраке увидел не бульдожье лицо Миллера и не ухмыляющиеся рожи докторов-убийц, а симпатичное девичье личико с веснушками. Девушка улыбалась во сне, а мой мозг лихорадочно вспоминал, где я нахожусь...

И вдруг я вспомнил! Фермеры, Пухов, дочь Татьяна! Хиус...

Внезапно лоскутная занавеска, прикрывающая лежак печи, резко отодвинулась, ослепив ярким светом из большого окна напротив, и показалось внимательное и суровое лицо Артемия Ивановича! Я резко привстал на локтях и замер в ожидании...

– Проснулся, Захар? – спросил Артемий гулким голосом. – Ну, доброго тебе утра! Хотя уж полдень скоро...

И он лучезарно улыбнулся, обнажив под русыми усами ряд крепких белых зубов.

– И вам того... доброго дня... – пробормотал я, растерянно блуждая взглядом с фермера на его дочку. – А... это... как я тут...

Глядя на мою растерянную физиономию, Артем расхохотался, да так, что Татьяна проснулась, перевернулась на спину и, вкинув руки, стала тереть кулаками глаза, чувствительно заехав мне локтем по почке. Я хрюкнул от неожиданности, а хозяин захохотал еще громче.

Рядом с его головой, показался лоб и рыбий взгляд Миллера. Нижняя часть лица была скрыта печью.

– Доброе утро, Моррисон, дружище, – сказал он и куда-то деловито направился.

– Ты лицо-то его видел, Генрих? – сквозь смех спросил Пухов уплывающую лысину Миллера.

– Последнее время вижу его слишком часто, – как-то скептически ответил младший комиссар, и тут же раздался звук льющейся воды.

– Да просто отрубился ты вчера, Захар, – отсмеявшись и вытирая слезы, наконец произнес Пухов, – вот тебя Прохор на полати-то и закинул. Ты как мешок был. А Танька, она всегда там спит.

– Па-а-а, ну чего ты гогочешь, – протянула Татьяна, – сон мне перебил...

– Танька-лентяйка, подымайся, – показным суровым тоном ответил Пухов, – Зорька вон уже час орет недоеная, а мать занята...

– Ну сейча-а-ас... – снова, растягивая гласные, простонала Таня.

После чего поглядела на меня, улыбнулась и весьма лукаво мне подмигнула...

Я умылся из рукомойника, висящего над деревянным тазом, который тут называли «ушат», потом меня посадили за стол одного – все уже успели позавтракать, кроме нас с Татьяной.

Чувствовал я себя неплохо: как ни странно – ничего не болело, как часто случалось в последнее время. Еще в бане я заметил, что ранение в руку, которое залечивала мне Анджела при помощи артефактной медицины, не то чтобы заросло, но шрам уже образовался.

Единственное, что немного напрягало, что я был какой-то ватный и видел все, словно сквозь натянутый на голову женский чулок.

Татьяна привела себя в порядок – причесалась, умылась и надела поверх длинной холщовой рубахи вышитый сарафан. Собственно, она и накрывала на стол, заставив меня выпить какую-то пряную соленую жидкость, пояснив, что это рассол, и добавив, что станет легче. Я не стал уточнять, чей это рассол, и выпил.

Потом мы позавтракали вкусной яичницей с жареными грибами, а Пухов в приказном порядке заставил меня выпить две рюмки самогона, после чего убрал бутылку, сказав, что хватит.

Я стал чувствовать себя гораздо лучше и мысленно готовился к решающему разговору с Пуховым, так как проблема нашей с Миллером транспортировки в Рокпорт продолжала остро стоять перед нами.

Тут в сенях раздался стук, и в дом начали заходить люди. Некоторых я помнил еще со вчерашнего дня, а кого-то видел впервые. В моем затылке снова заплясали мелкие иголки, и я пожалел, что Артемий Иванович убрал самогон.

Все эти люди очень любезно поприветствовали меня и стали выкладывать на стол артефакты.

Я тяжело вздохнул, попросил бумагу и карандаш и принялся за работу. Голова слегка кружилась, и я провозился больше часа. В результате долгих мучений и попыток определять арты без моего удобного и привычного «Азера-315», я выявил несколько полезных предметов: была среди них батарейка Шера, заряженная и мощная, нагреватель, тепловой сканер, пневматический молот Дильдара и много мелкого барахла, которое могло бы пригодиться в разных случаях жизни.

Я подробно объяснил каждому, как пользоваться тем или иным артом, и некоторым даже записал на бумажке.

Единственное, что приятно меня удивило, так это клиенты: они расхваливали меня на все лады, благодарили, словно я подарил им денег, и в знак признательности оставляли кто бутылку спиртного, кто краюху хлеба, кто кусок окорока или вяленой рыбы. Даже яиц пытались впарить и кринку молока, но я отказался, сославшись на дальнюю дорогу.

Самое приятное, что мне подкинули пистолетных патронов девятого калибра: не в почете в деревне были пистолеты, больше ружья.

Потом мы еще перекусили, и Пухов сказал:

– Так что, Захар? Будете в дорогу собираться или еще погостите у нас?

– Будь моя воля, я бы совсем тут остался, – искренне ответил я, – да службу нужно дослужить.

– Служба это святое, – кивнул фермер, – живи по уставу, заслужишь честь да славу!

– Ну, Круг Великий вам в помощь! – кивнул Пухов, когда мы погрузились в кузов пикапа, усевшись на вещевые мешки, подаренные и наполнение для нас местными.

Как я ни отказывался и ни отнекивался, нас собрали в дорогу очень качественно.

В кабине сидели давешний Прохор и Том.

– Я вот что напоследок сказать хочу, Захар, – обратился ко мне Артемий Иванович, – у многих наших последние сутки головы болят сильно, ничто не помогает, да и «авдошки» как с цепи сорвались. Все это от той елды каменной, точно говорю! Вы уж там постарайтесь, мужики, как-то прикрыть энту лавочку, а то житья нет последнее время-то.

– Что сможем, обязательно сделаем, Артемий Иванович, – неожиданно вместо меня ответил Миллер, – это и в наших же интересах!

– Ну, я и говорю, – кивнул Пухов. – Давай, Прохор, трогай!

Нас вышли проводить почти все деревенские, махали руками, желали счастливой дороги. Потом ко мне подбежала Татьяна и протянула небольшой охотничий нож в кожаных ножнах, на которых был вышит символ Ангра-Тельца. В затылке кольнуло.

– Вот, Захар, – смущенно сказала она, – возьми с собой: будешь меня вспоминать! Он все-все режет!

– Спасибо, Таня, – улыбнулся я. – Удачи тебе!

– Заезжай к нам! – помахала она рукой.

Залаяли собаки.

Машина заурчала, дернулась и плавно покатила к выезду со двора под светлым безоблачным осенним небом.

Глава 3

Путь к Каменному Порту. Лив и светлый гений

По дороге Генрих начал брюзжать, что немного выводило меня из равновесия.

– ...ни в кого я не верю: люди-то разные бывают...

– С вами разговаривать, Моррисон, одно удовольствие...

– А что вы там про мое лицо сказали? Чаще, чем хотелось?!

– Когда вы молчите, солнце выходит из облаков...

– Могу вообще помолчать...

– Ни разу не сказали, что я «люци», я запомню это...

– Вот теперь мне точно повезет...

– А я и не знал, Моррисон, что вы настолько близки к народу. – Кажется, Миллер был настроен поговорить.

– Вам-то что с этого? – поинтересовался я. – Вы там «какаву свою пьете»...

Нас потряхивало в кузове пикапа. Непонятно почему, но младшего комиссара что-то заинтересовало в моем поведении.

– Да я не пытаюсь вас обидеть, – младший комиссар сделал брови домиком, – просто удивился, как легко вы сходитесь с простыми людьми...

– По сути, я и не сходился, – мимо моего лица просвистела сосновая ветка, – просто вы, Генрих, трусили, а может, просто не захотели быть с ними обычным человеком...

– Нет, дело не в этом. – Миллер помотал головой, на которой смешно смотрелась фермерская панама. – Я хотел сказать, что разведка вас проглядела... Ну да, я – немного мизантроп.

– Наверное, в этом мы похожи, – я стряхнул со своего лица еловые колючки, – я тоже стараюсь быть искренним, но не на все сто. Хотя по мне и не скажешь, что мизантропия у меня вообще есть.

– На все сто никто не может быть искренним, – махнул рукой Генрих. – Ладно, проехали. Но один вопрос можно?

– Ну, если это не про взятки с мелких торговцев...

– Честно ответите?

– Отвечу, – приходилось говорить громко – машина ревела на ухабах.

– Вы верите в едиородов?

– Умеете вы, Генрих, ошарашить... – К чему ведет этот хитрый бульдог? – А сиблинги разве не отличаются друг от друга так же, как едиороды? – переспросил я.

– Вы, Моррисон, как сионит...

– А я ваших вопросов понять не могу, – ответил я, – лучше давайте подумаем, что мы в Рокпорте будем делать и не получится ли так, что нам понадобится друг друга придушить...

– Ну да, – кивнул Миллер, – мое обещание в силе, но начальство... Давайте сперва аккуратно разведем обстановку...

– Свяжемся с Зеленским?

– Для начала, к примеру, и так, – кивнул Миллер, – только перед этим нужно заскочить к парочке полицейских осведомителей, посмотреть, так сказать, панораму событий...

– Хорошо, – согласился я, – это разумно. Нас могут уже дать в розыск...

– Не говорите ерунды, Моррисон, – фыркнул Генрих, – объявить в розыск младшего комиссара полиции Нью-Фауда? Как вы себе это представляете?

– Не думали ли вы, – спросил я, – что у полиции есть свои неофициальные каналы даже в такой глуши, как Рокпорт? Могли просто дать ориентировку, чтобы сообщать просто о местонахождении человека. А брать нас будут наемники дикой воблы?

– Этот вариант возможен, – поморщился Генрих, – но маловероятен: слишком многое придется объяснять, и слухи распространятся очень быстро, что интересуются старшим офицером полиции. Наемники – да, скорее всего, рыщут там. Но их не может быть целая армия.

Пикап останавливался примерно раз в пятнадцать – двадцать минут, и Прохор, как опытный следопыт, шел вперед между камнями и рошицами, дабы разведать дальнейший путь. Дорог в этих местах почти не было: редкие проселки, в основном обычные тропинки, звериные тропы, а то и вовсе равнины да полянки. Частенько мы въезжали в широкие балки, которые каждый сезон выравнивали талые горные воды, и пока что ветер их неплохо просушивал.

Мы пробирались по длинному пологому юго-восточному склону Медвежьей горы, который как раз упирался в западное побережье Верхнего озера.

Несколько раз мы далеко объезжали огромные серые и мохнатые паучьи гнезда, укрытые увядшими листьями, висящие на ветвях деревьев.

В какой-то момент мы услышали сквозь рев мотора звериный рык, а высунувшийся из бокового окна Том держал в руках карабин.

В сумраке меж мертвых веток и стволов роши осенних деревьев резко метнулась здоровенная серая туша, и на полянку выскочил горный медведь – он был явно голоден, не успев нагулять жирка к зимней спячке, но истощенным я бы его никак не назвал.

Он довольно бодро настигал наш пикап размашистыми прыжками, что не очень вязалось с его громоздкой тушей, издавая регулярное рычание.

Будь мы на асфальтовом шоссе, косолапый не имел бы ни малейших шансов нагнать нас, но местность была не приспособлена для трассовых гонок.

Прохор заложил маневр, уклоняясь от хищника, а Том выстрелил два раза подряд.

Мы с Миллером, как только заметили хозяина горы, так решили поддержать Тома огнем, пусть и пистолетным, и уже целились в опасного зверя.

Медведь кувыркнулся, но тут же вскочил, потряс головой и снова кинулся в погоню.

Расстояние между нами опять сокращалось, мы залегли в кузове, стараясь вести прицельный огонь, что в прыгающем на ухабах пикапе было почти нереально: это все равно, что съезжать на велосипеде по ступенькам и прицельно плевать в голубей.

Пару раз я вроде бы попал медведю в лоб или холку, но лоб у него бронированный, а холка защищена толстым жировым слоем.

Том был более результативен, стреляя медведю в бок, когда Прохор удачно маневрировал. Все это напоминало дикую карусель.

В общем, ушли от медведя чудом, набив его шкуру свинцом. Он никак не хотел отрываться, хотя рычать уже перестал. Только вырвавшись на довольно ровное горное плато, мы смогли увеличить скорость и оторваться, сопровождаемые обиженным ревом медведя, который явно не советовал нам возвращаться на подконтрольную ему территорию.

Отъехав на приличное расстояние, мы минут двадцать стояли: осматривали машину,

подкачивали баллоны, регулировали рулевую тягу.

Отмахав километров около сорока – почти половину, мы снова несколько раз останавливались: мелькали меж деревьями какие-то невнятные тени, скорее всего, зверей, только неясно каких, но явно – крупных. Прохор снова ушел в разведку, и его не было довольно долго.

Неожиданно эхом в горах разнеслась далекая автоматическая очередь – судя по всему, из пулемета. За ней послышался шквал одиночных выстрелов, и снова очередь, потом еще.

В горах не понять, где идет стрельба: звук многократно отражается от камней и носится вокруг. То ли это за ближайшим поворотом, то ли это в каком-то далеком ущелье.

Мы с Генрихом уже начали волноваться, обмениваясь многозначительными взглядами, хотя Том молчал, демонстрируя абсолютное спокойствие, пожевывая деревянную щепку и изредка прикладывая к глазам обшарпанный, выдавший виды бинокль.

Наконец меж ветвями подлеска показалось движущееся пятно, и неожиданно подряд раздались две высоких трели зимородка.

Том тут же сплюнул щепку на пожухлую траву и напрягся, словно охотничий пес: на поляне появился Прохор, вид у него был озабоченный.

– Что там за буза поднялась? – негромко и несколько напряженно спросил Том.

– Не проехать нам тут никак, – ответил немного запыхавшийся Прохор, – патрульные там с «авдошками» сцепились, да еще стая крупная, рыл на двадцать. У меня опять репа трещать начала жутко... Забери их Хиус с ихней ерундистикой сиблингской, прости Змей, что скажешь... «Авдошки» аж на броню кидаются...

– У меня тоже с башкой плохо, – признался Том, покосившись на нас.

Я-то себя чувствовал отлично по сравнению со всеми последними днями, а у Миллера лицо было кислое, хотя оно у него часто такое.

– А если западнее объехать? Левее не возьмем? – снова обратился тот к Прохору.

– Взять-то возьмем... – Прохор как-то поморщился, – да только пещеры-то «авдошкины», они как раз там и есть, не с озера же они пришли-то?

– И то верно, – кивнул Том, досадливо крякнув и нахмурившись, – они с пещер-то и лезут небось. Напороться вчетвером, оно не очень. Она вчерась-то нас под полсотни было, и то двоих подрали... Чего этим облезанам не сидится-то?

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4qc>

От *англ.* Thunder of Zodiac walking – Гром Зодиака шагающий. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Бронеход шагающий средний по классификации жандармерии.

ГР-15 – скорострельная пушка системы Грязнова – Рихтера, калибр 15 мм.

«Собачья вахта» или просто «собака» – вахта с 00:00 до 04:00. Обычно ее несет второй штурман. Считается самой тяжелой, так как вахтенному приходится бороться со сном в это время суток. Но есть и другое толкование в сухопутных войсках: любой караул, приходящийся на самое раннее утро, когда организм человека максимально вялый и сонный – то есть примерно от трех до шести утра.